

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2022-0-3-76-83>

В современной теории уголовного права (как отечественной, так и зарубежной) довольно активно обсуждается проблематика уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в условиях нарастающих с течением времени процессов цифровизации. Преобладающее мнение сводится к тому, что виртуализация, искусственный интеллект и иные цифровые технологии самым существенным образом меняют не только оборот объектов интеллектуальной собственности, но и представление о них. Это в свою очередь самым непосредственным образом затрагивает уголовно-правовую сферу. Цель исследования состоит в разработке особенностей правового регулирования и уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих по поводу результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме. Реализация указанной цели достигалась путем оценки состояния отечественного уголовного законодательства и изучения имеющихся точек зрения в доктрине уголовного права. Исследование основано на применении общенаучных и специальных методов (анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и др.). Проведенное исследование позволило сделать вывод, что связь гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений находится на стыке проблемы авторства на цифровые произведения. Обосновывается необходимость четкого определения правового статуса искусственного интеллекта для положительного разрешения вопроса относительно охраноспособности результатов его «творческой» деятельности. В статье сформулированы конкретные рекомендации по применению отечественного уголовного законодательства при квалификации общественно опасных посягательств на объекты интеллектуальной собственности, созданные в цифровой форме.

ЛОПАТИНА

Татьяна Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-
правовых дисциплин Смоленского
государственного университета
(г. Смоленск)

lopatina1501@mail.ru

РУССКЕВИЧ

Евгений Александрович

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
уголовного права Московского
государственного юридического
университета им. О. Е. Кутафина
(МГЮА) (г. Москва)

russkevich@mail.ru

**Интеллектуальная
собственность;
объекты цифрового искусства;
NFT;
искусственный интеллект;
цифровизация;
охраноспособность результатов
деятельности искусственного
интеллекта**

Tatyana M. LOPATINA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Head of the Department
of Criminal Law Disciplines, Smolensk
State University (Smolensk)

lopatina1501@mail.ru

Evgeny A. RUSSKEVICH

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Professor, Department
of Criminal Law, Kutafin Moscow State
Law University (MSAL) (Moscow)

russkevich@mail.ru

**Intellectual property;
digital art objects;
NFT;**

INTELLECTUAL PROPERTY AND DIGITALIZATION: CRIMINAL LEGAL VIEW

In the modern theory of criminal law (both domestic and foreign), the problems of criminal law protection of intellectual property are being actively discussed in the context of digitalization processes growing over time. The prevailing opinion boils down to the fact that virtualization, artificial intelligence and other digital technologies most significantly change not only the turnover of intellectual property, but also the idea of them. This, in turn, directly affects the criminal law sphere. The purpose of the study is to develop the features of legal regulation and criminal law protection of public relations arising from the results of intellectual activity in digital form. The implementation of this goal was achieved by assessing the state of domestic criminal legislation and studying the existing points of view in the doctrine of criminal law. The study is based on the application of general scientific and special methods (analysis, synthesis, induction, formal-legal, abstract-logical, etc.). The study made it possible to conclude that the connection between civil law and criminal law relations is at the intersection of the problem of authorship of digital works. The necessity of

**artificial intelligence;
digitalization;
protectability of the results
of artificial intelligence**

a clear definition of the legal status of artificial intelligence for a positive resolution of the issue regarding the protectability of the results of its "creative" activity is substantiated. The article formulates specific recommendations on the application of domestic criminal law in the qualification of socially dangerous encroachments on intellectual property objects created in digital form.

Процесс цифровизации оказал значительное влияние на отношения в сфере интеллектуальной собственности. Воздействие это имело неоднозначный характер. С одной стороны, цифровизация ускорила и упростила распространение информации, что, вне всяких сомнений, способствует реализации творческого потенциала человека. В этом смысле цифровизация выступает катализатором исследовательской деятельности, благоприятной средой для появления новых объектов интеллектуальной собственности. Информационно-коммуникационные технологии также содействуют оборотоспособности и реализации этих объектов, что повышает их коммерциализацию и соответственно доходность.

Вместе с тем цифровизация поставила ряд непроданных вопросов перед механизмом правовой охраны интеллектуальной собственности. Структурировано их можно представить в следующем виде: прежде всего «диджитализация» обусловила появление новых явлений и сущностей, отнесение которых к объектам интеллектуальной собственности является актуальным социальным запросом, но с доктринальных позиций представляется не столь очевидным и вызывает предсказуемые затруднения на правоприменительном уровне. Во-вторых, инфраструктура виртуального пространства связана с деятельностью субъектов, пределы ответственности которых за нарушение прав авторов или иных правообладателей до настоящего времени четко не очерчены. В современной литературе многие дискуссии по этому поводу, что называется, завершаются «дверью в никуда». Можно выделить и третий, в некотором смысле перспективный, уровень проблематики, касающийся режима правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта либо самим искусственным интеллектом. Отношение к последнему уже, пожалуй, не вызывает иронической усмешки у профессионального сообщества и за последнее время, с учетом принятия отдельных документов стратегического планирования [1; 2], приобрело весьма конкретный и прикладной характер.

Приведенный перечень не претендует на исчерпывающее освещение явления. Его легко можно продолжить. Так, например, в литературе справедливо отмечается, что в современном «диджитализированном» мире правообладателю практически невозмож-

но не столько юридически, сколько технологически обеспечить контроль над произведениями, облеченными в цифровую форму [3, с. 462]. Пессимистичная, но справедливая мысль. Результат творческого труда человека, подвергнутый оцифровке и попавший в сеть, почти неизбежно обречен на «цифровое бессмертие» и уже самостоятельное цифровое бытие. Возможности правообладателя здесь стремятся к нулевому значению. Хотя признаем, что развитие технологий «работает» и на принципиальное повышение защиты интеллектуальной собственности (например, в случае с *NFT*).

Здесь будет излишним сформулировать несколько предварительных суждений. Надо признать, что в России правовая охрана интеллектуальной собственности традиционно имела весьма сложный и во многом имитационно-плановый характер. В ряду многих наиболее негативным фактором здесь выступает нигилистическое отношение обывателя к самому режиму защиты таких объектов, когда использование контрафактной продукции не воспринимается не только как противоправное, но даже как порицаемое и постыдное поведение. Углубляться в культурно-нравственные и экономические детерминанты такой социальной установки, пожалуй, нет необходимости. Лишь за последнее время наметилась тенденция, когда потреблять лицензионную продукцию стало в некотором смысле модой, манифестацией материального благополучия и социального положения. Однако же в условиях санкционного давления и отказа от правовой охраны отдельных объектов интеллектуальной собственности на уровне внутренней политики государства [4] надеяться на сохранение такого тренда, пожалуй, не приходится. Не будет этому способствовать и падение реальных доходов населения, а также уход с отечественного рынка ряда крупных компаний. Вместе с тем построение развитой экономики принципиально невозможно без надлежащей охраны интеллектуальной собственности, в том числе средствами уголовно-правового воздействия. Эта основополагающая мысль неподвластна политическим, а равно экономическим метаморфозам и, пожалуй, не требует каких-либо дополнительных обоснований. Поэтому, несмотря на геополитические обстоятельства, вопросы уголовно-правовой охраны интеллектуальных прав сохраняют свою актуальность и непреходящее прикладное

значение, получив новое направление под влиянием цифровизации.

Одной из основных причин низкой эффективности механизма защиты интеллектуальной собственности в РФ в сфере цифровизации Н. А. Нарыжный справедливо называет «слабый отклик системы права на расширение перечня прорывных и перспективных цифровых технологий» [5, с. 120]. С этим соглашаются и другие авторы, подчеркивая, что принятие четвертой части Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) существенно сказалось на состоянии правового регулирования интеллектуальной собственности, однако многие вопросы правового статуса участников этих отношений, статуса ряда объектов остались неразрешенными [6, с. 27].

Обращаясь к этой проблеме, следовало бы исходить из той презумпции, что задействование информационно-коммуникационной инфраструктуры в обороте объектов интеллектуальной собственности никак не влияет на авторские права и правовой режим произведения [7, с. 76]. Как убедительно пишет по этому поводу В. О. Пучков, «вне цифровой среды не существуют ни большие данные, ни объекты цифрового искусства, ни доменные имена. Однако истоком их появления, их онтологическим основанием является именно творческая деятельность человека, приобретающая особые формы выражения в информационно-технологическом пространстве» [8, с. 148]. Тем не менее ситуация представляется не столь очевидной, когда речь идет, например, о создании произведений посредством цифровых аватаров в пространстве конкретной виртуальной платформы. Можно ли в подобных обстоятельствах исходить из применимости имеющегося правового инструментария для защиты от возможных посягательств на такие результаты интеллектуальной деятельности? С учетом актуального состояния отечественного законодательства, пожалуй, нельзя. Игровые объекты во всем своем многообразии до настоящего времени не признаются объектами гражданского права, а соответствующие отношения регулируются владельцами игровых платформ в одностороннем порядке. Такое положение вряд ли следует признавать приемлемым, учитывая, что пользователь конкретного игрового ресурса своим трудом создает оригинальное произведение в цифровой среде, которое по смыслу ст. 1225, 1257, 1259, 1282 ГК РФ должно быть признано охраняемым объектом права интеллектуальной собственности и тем самым защищено от противоправных посягательств со стороны других пользователей или самого владельца игровой платформы.

Крайне сложным, требующим обстоятельного обсуждения, в том числе в целях упорядочения механизма уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, является вопрос о правовом статусе

невозмозаменяемых токенов (*non-fungible tokens, NFT*). Как известно, базисным активом *NFT* может выступать изображение, музыкальное произведение, видео и т.п. Так, 11 марта 2021 г. на аукционе *Christie's* за 69 млн долл. США был продан *NFT*, интеллектуальным активом которого является цифровой коллаж художника Майка Винкельмана [9].

А. А. Долганин в своем интереснейшем эссе резюмирует, что современные *NFT* предлагают творцам недостижимый в обычных авторских подписях уровень защищенности от копирования и воспроизведения, позволяющий владельцу полностью контролировать и обладание самим токеном, и доступ к базисному цифровому активу. При этом автор метко подчеркивает, что при широком представительстве способов независимого распространения своего творчества, в том числе с серьезными технологическими решениями по недопущению непроизвольного копирования, *NFT* показало свою уникальность и востребованность у правообладателей. Происходит это ввиду одного ключевого момента – *NFT* не тождественно самому базисному активу (произведению), поскольку символизирует обладание «объективированным и индивидуально-определенным фрагментом идентичности автора или кумира вообще (в каком-то смысле, вероятно, это можно сравнить с обладанием книги с автографом писателя или подписанной спортсменом футбольной майкой и т.п.)» [10, с. 49–50]. Как бы то ни было, следует согласиться с тем, что *NFT* как запись в реестре блокчейн нельзя признать результатом интеллектуальной деятельности, в том числе в тех случаях, когда объект искусства «вшит» внутри токена [11, с. 73]. И в этих обстоятельствах *NFT* являет собой совершенно самостоятельную сущность, а связанное с ним произведение в системе блокчейн – отдельный цифровой объект, относимый к результатам интеллектуальной деятельности.

С уголовно-правовой точки зрения неопределенность правового статуса невозмозаменяемых токенов обуславливает проблему определения квалификационного алгоритма применительно к случаям совершаемых в отношении *NFT* противоправных посягательств. Так, незаконное воспроизведение упомянутого выше цифрового коллажа художника Майка Винкельмана, а равно последующее распространение такой копии объективно не образует посягательства на проданный *Christie's NFT*, владелец которого объективно продолжает сохранять обладание этим цифровым активом и может им распоряжаться по своему усмотрению. Здесь, пожалуй, следует говорить о нарушении исключительных прав на произведение самого художника, т.е. о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 146 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). С другой стороны, в случае совершения неправомерного

доступа к компьютерной информации и завладения самим *NFT* содеянное едва ли подпадает под признаки нарушения авторских и смежных прав, а должно оцениваться в системе положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности. Последний тезис опять же является уязвимым в том отношении, что цифровые активы в силу своей неопределенности с точки зрения положений ГК РФ весьма условно могут признаваться предметом посягательств, предусмотренных гл. 21 УК РФ. Этой тематике в современной литературе посвящено множество публикаций, главным образом нацеленных на проработку вопросов уголовно-правовой охраны криптовалютного оборота, поэтому полагаем возможным не останавливаться на ней отдельно. Соответственно, наиболее реалистичным и реализуемым решением в правоприменительном смысле остается применение положений гл. 28 УК РФ об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

Нерешенным также остается вопрос о возможности отнесения к объектам интеллектуальной собственности, а соответственно и к предмету преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, произведений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, однако этот вопрос будет обстоятельно рассмотрен позднее.

Архитектура современных информационно-коммуникационных ресурсов имеет сложный характер. Как следствие, распространение информации осуществляется во взаимодействии многих субъектов (администратор доменного имени, администратор сайта, владелец сайта, хостинг-провайдер и др.), выполняющих принципиально разные функции в этом процессе. Упомянутая сложность не может не отражаться на решении вопросов ответственности участников процесса размещения информации в информационно-коммуникационных сетях. В доктрине по этому поводу высказываются разные мнения и обосновываются подчас противоположные квалификационные подходы.

Изучение современной литературы позволяет сделать вывод, что наибольшие споры возникают относительно вопроса об ответственности владельца/администратора доменного имени. В соответствии с действующими правилами регистрации доменных имен [12] администратор доменного имени, т.е. лицо (в том числе юридическое), на которое в установленном порядке зарегистрировано соответствующее символическое обозначение, предназначенное для сетевой адресации, обладает всеми правами по управлению процессами, связанными с размещением информации. Иными словами, фактическое использование ресурсов конкретного сайта с соответствующим доменом, на котором размещена информация,

формально невозможно без участия в той или иной форме владельца (пользователя) домена, владеющего паролем для размещения информации по соответствующему доменному имени. Если исходить из указанных соображений, то логично заключить, что владелец (администратор) домена в случае функционирования по соответствующему сетевому адресу сайта, связанного с нарушением авторских и смежных прав, является пособником либо соисполнителем в совершении соответствующих преступлений.

Однако здесь стоит оговориться, что к самой разработке сайта, к его поддержанию в работоспособном состоянии и содержанию владелец домена может и не иметь непосредственного отношения, если он фактически предоставил сетевые идентификаторы (пароли) для доступа к домену, в том числе для размещения информации, ее удаления и модификации. В этой ситуации довольно часто говорят об «аренде доменного имени», что с правовой точки зрения неверно. В уголовно-правовом смысле это мало что меняет. Если установлено, что лицо за плату передало управление доменом третьему лицу и, строго говоря, не интересовалось тем, каким образом используется домен, говорить о возможности привлечения к уголовной ответственности владельца домена нельзя. Здесь необходимо устанавливать лицо, которое осуществляло фактическое администрирование доменом.

Возможным выходом из ситуации могло бы стать формирование практики привлечения к уголовной ответственности за пособничество владельцев доменов в ситуациях, когда они были в той или иной форме проинформированы правоохранительными или иными органами, что их домен используется для систематического совершения преступлений, но не предприняли действий по блокированию и уничтожению соответствующей информации, продолжая получать ренту. Хотя и здесь есть некоторые нюансы с точки зрения признания таких действий пособничеством.

С лицами, непосредственно обслуживающими сайт (размещение информации, замена и дополнение компонентов сайта, изменение его дизайна и структуры, мониторинг за состоянием функционирования ресурса и т.п.), все гораздо проще – все они могут быть привлечены как соисполнители в групповом совершении преступления, поскольку выполнение соответствующих функций почти априорно предполагает осведомленность о содержании контента и направленности работы сайта. Здесь конечно же можно попытаться смоделировать гипотетический пример, когда специалист, выполняя технические мероприятия, не знал о специфике работы ресурса, но это ситуация в высшей степени умозрительная. Нельзя поставить человеку техническую задачу по ра-

боте с сайтом, чтобы он так или иначе не оказался осведомлен о том, для чего этот информационный ресурс используется.

В случаях, когда в работу сложных интернет-площадок, связанных с нарушением прав в сфере интеллектуальной собственности, одновременно вовлечено множество участников, ежедневно осуществляющих техническую поддержку, наполнение данными и др., все они должны признаваться соисполнителями в нарушении авторских и смежных прав в составе организованной группы (п. «б» ч. 3 ст. 146 УК РФ) с перспективой привлечения к ответственности по ст. 210 УК РФ.

К настоящему времени искусственный интеллект достиг такого уровня, когда он может конкурировать с человеком в части создания объектов интеллектуальной деятельности. Компьютерная программа с элементами искусственного интеллекта представляет собой, с одной стороны, результат интеллектуальной деятельности человека, с другой – программа способна самостоятельно создавать продукт, схожий с результатами человеческого творчества, например поэтические или музыкальные произведения. Возникает вопрос об авторстве таких произведений: это создатель программы или сама программа?

В целях стимулирования развития искусственного интеллекта принято множество нормативных актов, которые в большинстве своем просто провозглашают идею незыблемости авторства и охраны объектов, созданных искусственным интеллектом. При этом доктринально проработанной концепции (теоретической модели) правового регулирования группы общественных отношений, возникающих по поводу объектов, созданных «творчеством» искусственного интеллекта, нет. Можно обнаружить лишь отдельные направления, но не более.

Возрастающий интерес к развитию искусственного интеллекта и правовому статусу результатов его «творчества» отмечается на международном уровне. Поиск юридических конструкций, которые могли бы в будущем сформировать общую позицию, происходит в рамках ряда международных организаций. В частности, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) регулярно проводит встречи по вопросам правового регулирования деятельности искусственного интеллекта, но, к сожалению, так и не смогла сформулировать единый подход к вопросу правообъектности произведений, в которых человеческое участие минимально или отсутствует.

В России теме искусственного интеллекта стало уделяться значительное внимание, но основное внимание также сосредоточено на перспективах развития исследований в этой области, а не правовом регулировании вопросов его использования.

Так, например, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ 19 августа 2020 г. № 2129-р, обозначены лишь направления трансформации существующей системы нормативного регулирования при применении таких технологий в различных сферах жизнедеятельности общества. В частности, в п. 12 Концепции обозначено, что признание таких результатов объектами интеллектуальной собственности повлечет неурегулированность вопроса о субъекте, обладающим исключительным правом на них. Другим аспектом проблемы обозначена «необходимость совершенствования порядка закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта и робототехники», в том числе использование их третьими лицами [13].

Как известно, до настоящего времени законодатель рассматривает искусственный интеллект только как инструмент творческой деятельности человека. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» (ст. 80) [14]. Подобная юридическая конструкция конечно же не решает вопрос о правовой охране литературных, музыкальных или художественных произведений, в создании которых человек не принимал непосредственного участия.

В октябре 2020 г. в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект, предусматривающий, что право на результат «творческой» деятельности искусственного интеллекта возникает у правообладателя (разработчика) компьютерной программы [15]. Небезупречное решение, которое в случае своей практической реализации приведет к сложностям, связанным с конкуренцией либо фрагментацией прав потенциальных правообладателей. Кроме того, из круга возможных бенефициаров «творчества» искусственного интеллекта исключается непосредственный пользователь, что также дискуссионно и требует обстоятельного осмысления.

Вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием технологии искусственного интеллекта, активно разрабатываются учены-

ми. Так, И. Р. Бегишев предложил инициативный проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» [16]. В декабре 2021 г. многие положения данного инициативного проекта были учтены и непосредственно использованы в законопроекте, предложенном главой комитета Совета Федерации по экономической политике Андреем Кутеповым и направленном для отзыва в Минэкономразвития России и Минцифры России [17].

В целом можно выделить следующие подходы к решению проблемы правового статуса и охраноспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, которые являются схожими с результатами творческого труда человека: первый подход отражает существующее видение, в соответствии с которым произведения, созданные машинным творчеством без участия человека, не должны охраняться законом (В. Н. Синельникова [18, с. 320–328]). Уязвимость такого решения представляется очевидной по тому основанию, что зарождающийся оборот новых объектов, обладающих экономической и культурной ценностью, предлагается попросту игнорировать, не включать его в правовое поле, что неминуемо повлечет негативные последствия как для личности, так и для государства. Полагаем, что «отмахнуться» от проблемы не получится. Рано или поздно потребуются формализовать данные отношения, установить четкий правовой режим, предполагающий в том числе и юридическую ответственность.

В рамках второго подхода результаты деятельности искусственного интеллекта предлагается охранять наравне с результатами интеллектуальной деятельности человека [19, с. 86]. Очевидно, что жизнеспособность этой концепции всецело основывается на преодолении антропоцентристского характера права в целом, гражданского и уголовного права в частности. Поэтому рассматривать третий подход как реализуемый в ближайшей перспективе, пожалуй, не стоит. По большому счету он имеет политико-правовой и прогностический характер.

Третий подход предполагает охрану таких объектов в рамках авторского права, где обладателем исключительного права признается разработчик программного обеспечения. В целом эта концепция отражена в цитируемом ранее постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Несмотря на понятность самой логики сформулированного решения, понятно, что получение таких объектов (литературных или художественных произведений) с использованием технологий искусственного интеллекта может быть сопряжено с *полным отсутствием* личного творческого вклада разработчика/правообладателя программного обеспечения. Это в свою очередь подменяет, если не отрицает, саму идею авторства и творчества.

Близкую к третьему подходу, но видоизмененную модель предлагают другие авторы (П. Ролинсон, Е. Ариевич, Д. Ермолина): «...за основу концепции правовой охраны результатов, создаваемых искусственным интеллектом, можно взять правовое регулирование баз данных. В частности, было бы целесообразным закрепить за лицом, внесшим существенный финансовый, материальный, организационный или иной вклад в создание искусственным интеллектом программы, статус изготовителя такого результата и, по аналогии с правами изготовителя баз данных, наделять такое лицо исключительным правом на использование полученного результата в любой форме и любым способом (ст. 1333–1334 ГК РФ)» [20, с. 63–71]. В этом же ключе предлагается лицу, организовавшему создание результата интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта, предоставлять самостоятельное право на ограниченный срок (от 25 до 50 лет). При этом подчеркивается, что права такого правообладателя не должны приравниваться к правам автора [21, с. 28].

Таким образом, на данный момент вопросы охраны результатов «творческой» деятельности, созданных искусственным интеллектом, обсуждаются на уровне законодателя, практиков, научных исследований, но о выработке единой позиции пока не приходится говорить. Сама идея признания прав на созданный объект за искусственным интеллектом не поддерживается, традиционно делается акцент на поиске вклада человека.

Вопросы охраны произведений, созданных искусственным интеллектом, находятся на стадии осознания и поиска решений. Существующие модели заслуживают внимания и дальнейшей доктринальной проработки. Полагаем, что прежде всего требуется четкое законодательное разделение между результатами деятельности, созданными искусственным интеллектом, и результатами интеллектуальной деятельности, созданными с использованием искусственного интеллекта. В первом случае де-факто искусственный интеллект выступает субъектом создания произведения (автор-человек отсутствует). Исключение творческой деятельности человека из процесса создания произведения служит основанием для введения специального правового регулирования и исключения создаваемых объектов из сферы правовой охраны. Допускаем, что охрана здесь должна строиться не на традиционном авторском праве, а на иных основаниях. Во втором случае искусственный интеллект выступает инструментом в процессе творческой деятельности человека. Такое использование искусственного интеллекта будет регулироваться традиционным законодательством в сфере авторского права.

Следует принять как данность, что ни законодатель, ни судебная система, ни доктрина не готовы к призна-

нию самостоятельных прав искусственного интеллекта на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые с его участием, что само по себе затрудняет определение места искусственного интеллекта в гражданском законодательстве и правовой статус обозначенных результатов его «творческой» деятельности. Возможное наделение искусственного интеллекта правосубъектностью с передачей ему исключитель-

ных прав на созданные с его участием произведения не должно затрагивать исключительные права на сам искусственный интеллект. Такой подход аналогичен институту юридических лиц. Юридические лица могут обладать исключительными правами на произведения, но возможность и объем реализации исключительных прав на него решается управляющим органом юридического лица, за которым стоят люди.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
3. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2021.
4. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».
5. *Нарыжный Н. А.* Механизм защиты интеллектуальной собственности в сфере цифровизации и ее составляющие // Вестник ДонНУ. Сер. В. Экономика и право. 2020. № 1.
6. *Ханнова Т. Р., Гильмутдиновна Р. А., Гарифуллина А. Ф.* Государственная политика в области интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики // Экономика и управление. 2021. № 1 (157).
7. *Гайдук В. П.* Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. № 2.
8. *Лучков В. О.* Цивилистическая доктрина цифровой эпохи : методологические, теоретические и прикладные проблемы : монография / под ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2020.
9. NFT-токен продали на аукционе за рекордные \$ 69 млн. // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c?ysclid=l7oq4pcubf880375535> (дата обращения: 05.09.2022).
10. *Долганин А. А.* Соотношение невзаимозаменяемых токенов (NFT) и интеллектуальной собственности : триумф проприетарного подхода? // Цифровое право. 2021. № 2.
11. *Емельянов Д. С., Емельянов И. С.* Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10 (241).
12. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 5 октября 2011 г. № 2011-18/81) // СПС «КонсультантПлюс».
13. СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
14. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
15. Что написано софтом. Плоды искусственного интеллекта запишут за разработчиками // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144> (дата обращения: 01.06.2022).
16. *Бегишев И. Р.* Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона) // Препринты Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова. 2021. № 1.
17. В Совфеде предложили закрепить взаимоотношения роботов и людей // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bff9399a79474e6381c567?ysclid=l7pvuyg7e477374591> (дата обращения: 01.06.2022).
18. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. 2019. № 1.
19. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект как автор произведения : могут ли роботы творить? // Власть закона. 2019. № 1 (37).
20. *Ролинсон П., Ариевич Е. А., Ермолина Д. Е.* Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта : особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5.

21. Проблема машинного творчества в системе права : регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы : доклад НИУ ВШЭ / рук. авт. кол. В. О. Калятин. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 9 May 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" (SPS "ConsultantPlus").
2. Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period until 2030") (SPS "ConsultantPlus").
3. *Blazheev V. V., Egorova M. A. (eds.). Digital Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021.*
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 29 March 2022 No. 506 "On Goods (Groups of Goods) in Respect of Which Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Protection of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity Expressed in Such Goods, and Means of Individualization by Which Such Goods Are Marked" (SPS "ConsultantPlus").
5. *Naryzhnyi N. A. The Mechanism of Protection of Intellectual Property in the Field of Digitalization and its Components. Bulletin of DonNU. Ser. B. Economics and Law. 2020. No. 1.*
6. *Khannova T. R., Gilmudinovna R. A., Garifullina A. F. State Policy in the Field of Intellectual Property in the Context of Digitalization of the Economy. Economics and Management. 2021. No. 1 (157).*
7. *Gaiduk V. P. Evolution of Intellectual Property Law in the Digital Age. Journal of Russian Law. 2020. No. 2.*
8. *Puchkov V. O.; Belykh V. S. (ed.). Civilistic Doctrine of the Digital Era: Methodological, Theoretical and Applied Problems: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020.*
9. NFT token sold at auction for a record \$69 million. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/604a3b479a7947c4d213d12c?ysclid=l7oq4pcubf880375535> (date of the application: 05.09.2022).
10. *Dolganin A. A. The Ratio of Non-Fungible Tokens (NFT) and Intellectual Property: The Triumph of the Proprietary Approach? Digital Law. 2021. No. 2.*
11. *Emelianov D. S., Emelianov I. S. Non-Fungible Tokens (NFT) as an Independent Object of Legal Regulation. Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 10 (241).*
12. Rules for registering domain names in the .RU and .РФ domains (approved by the decision of the Coordinating Center for the national Internet domain of 5 October 2011 No. 2011-18/81) (SPS "ConsultantPlus").
13. *Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 35. Art. 5593.*
14. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 7.*
15. What Is Written in Software. The Fruits of Artificial Intelligence Will Be Recorded for the Developers. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4566144> (date of the application: 01.06.2022).
16. *Begishev I. R. On the Turnover of Robots, Their Components (Modules) (Initiative Project of the Federal Law). Preprints of Kazan Innovative University named after V. G. Timiriasov. 2021. No. 1.*
17. The Federation Council proposed to consolidate the relationship between robots and people. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bff9399a79474e6381c567?ysclid=l7pvygv7e477374591> (date of the application: 01.06.2022).
18. *Kuznetsova O. A., Golubtsov V. G., Borisevich G. Ia., Borovykh L. V., Shershen Iu. V. (eds.). Legal Regime of the Results of Intellectual Activity Created by Self-Developing Programs. Perm Legal Almanac. 2019. No. 1.*
19. *Morkhat P. M. Artificial Intelligence as the Author of a Work: Can Robots Create? The Rule of Law. 2019. No. 1 (37).*
20. *Rolinson P., Arieovich E. A., Ermolina D. E. Intellectual Property Objects Created With the Help of Artificial Intelligence: Features of the Legal Regime in Russia and Abroad. Law. 2018. No. 5.*
21. *Kaliatin V. O. (ed.). The Problem of Machine Creativity in the System of Law: Regulation of the Creation and Use of the Results of Intellectual Activity Using Artificial Intelligence, Foreign Experience and Russian Prospects: Report of the National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021.*